

Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы.

1. Введение

Одной из важнейших характеристик глаголов – как при их типологическом изучении, так и при сравнении глаголов одного языка – является их модель управления, т.е. тип соответствия между семантическими актантами (участниками ситуации) и синтаксическими актантами (показывающими, каким образом семантические актанты выражаются в предложении)¹. Так, хорошо известно, что глаголы разрушения (типа ‘рвать’ или ‘ломать’) в языках мира часто бывают переходными, их пациенс практически всегда выражается с помощью прямого дополнения, а агенс – с помощью подлежащего.

Хотя в большинстве случаев модель управления является постоянной характеристикой глагольной лексемы, ещё более полувека назад было обнаружено, что существуют некоторые исключения – глаголы, имеющие несколько альтернативных моделей управления. Эти глаголы (или некоторый их подкласс) называют лабильными. Судя по всему, первой работой, где данные лексемы были выделены в особый класс, была статья [Чикобава 1942] на грузинском языке, где анализировался материал кавказских языков. В действительности, как ясно из работ [Haspelmath 1993] и [Dixon, Aikhenvald 2000], лабильные глаголы в том или ином количестве есть очень во многих языках и языковых семьях.

Под лабильностью в узком смысле, как правило, понимается способность глагола иметь две диатезы: с прямым объектом и без него (ср. [Чикобава 1942], [Рогава, Керашева 1966], [Haspelmath 1993]). В частности, в число лабильных включаются такие глаголы, как русский *есть* или английский *break*:

(1) *Он ест мясо — Он (плохо) ест.*

(2) *He broke the cup ‘Он разбил чашку’ — The cup broke ‘Чашка разбилась’.*

Е.А. Лютикова в своём докладе [Лютикова 2002] использует ещё более узкое определение, относя к собственно лабильности (*семантической лабильности*, которую она отличает от *синтаксической* – способности глагола выступать и как переходный, и как непереходный) только вариативность, при которой одна диатеза семантически является каузативной от другой.

Более широкое понимание лабильности принимает, например, М.С. Полинская в своей диссертации «Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков» [Полинская

---

¹ Мы используем данные термины в том понимании, которое было предложено И.А. Мельчуком, Ю.Д. Апресяном, И.М. Богуславским и другими лингвистами, работавшими в рамках модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»; ср., прежде всего, [Мельчук 1974] и [Апресян 1974].

1986: 44]: лабильными в этой работе называются все глаголы, способные иметь более одной диатезы, при том, что изменение диатезы никак не маркируется, независимо от того, как две диатезы соотносятся по своим свойствам. При таком понимании класс лабильных глаголов оказывается существенно больше традиционного.

Для целей данной работы мне кажется целесообразным использовать некоторое промежуточное понимание лабильности, в чём-то более широкое, чем традиционное понимание, связанное с переходностью, но заведомо более узкое, чем определение М.С. Полинской. А именно, лабильностью ниже будет называться **способность глагола выступать в двух разных диатезах, различающихся тем, какой из участников занимает позицию субъекта**. В частности, при таком понимании английский глагол *break* останется лабильным, поскольку в одном из употреблений субъектом является агенс, а при другом — пациенс. С другой стороны, русский глагол *есть* считаться лабильным не будет, поскольку в обеих его диатезах в (1) субъектом является агенс. Определяя лабильность указанным способом, мы охватим все интересующие нас случаи варьирования диатезы, которые, как кажется, обладают существенной семантической общностью.

* * *

Как было сказано выше, лабильность тесно связана с переходностью глагола. Неудивительно, что исследования лабильности обычно проводятся на материале ядра класса переходных глаголов: как правило, рассматриваются глаголы, первый и второй актанты которых являются, соответственно, прототипическим агенсом и прототипическим пациенсом (о прототипах агенса и пациенса см., в частности, [Dowty 1991]). Объект при переходном употреблении таких глаголов подвергается сильным изменениям, а субъект производит над ним эти изменения — ср. английский глагол *break* ‘ломать(ся)’, немецкий *kochen* ‘варить(ся)’. Напротив, такие глаголы, как *играть* (*Во дворе играет музыка — Оркестр играет туш*) или *повернуть* (*Он повернул выключатель — Мы повернули налево*), у которых нет прототипического пациенса, редко рассматриваются в связи с лабильностью, поскольку их диатезы противопоставлены не столь явно, как у глаголов с прототипическими агенсом и пациенсом. Вероятно, это происходит потому, что свойства периферийных классов глаголов считаются выводимыми из свойств ядра класса переходных глаголов, подробным рассмотрением которых обычно и ограничиваются.

Ниже мы хотели бы показать, что такой подход оказывается не вполне точным. Поведение глаголов, не имеющих прототипических агенса и пациенса, с одной стороны, отличается от поведения прототипически переходных глаголов, а с другой стороны, рас-

смотрение их диатез может дать довольно много для понимания явления лабильности в целом.

В данной работе будет рассматриваться варьирование диатез у одной из групп глаголов, не имеющих прототипических агенса и пациенса, а именно у фазовых глаголов. Мы попытаемся показать, что, с одной стороны, фазовые глаголы могут проявлять особую склонность к лабильности, которая требует объяснения, а с другой стороны, их свойства – именно в силу того, что эти глаголы занимают периферийное положение среди переходных глаголов – дают возможность сделать некоторые выводы о природе феномена лабильности в целом.

Фазовые глаголы были подробно рассмотрены в книге [Бондарко 1987], в частности, нужно упомянуть работы [Храковский 1987] и [Недялков 1987], где строится подробная классификация фазовых глаголов и рассматриваются их особые свойства.

Основные утверждения будут иллюстрироваться, прежде всего, материалом болгарского, арабского², немецкого и английского языков. Это существенно, поскольку по отношению к лабильности эти языки явно различаются: в арабском и болгарском лабильность свойственна отдельным немногочисленным глаголам (в частности, в очень подробной работе [Гранде 1998] лабильность в арабском языке не упоминается, в немецком – достаточно большим группам лексем, в английском же разные типы лабильности свойственны подавляющему большинству глаголов.

2. Каноническая и неканоническая лабильность

В работе будут использоваться понятия канонической и неканонической лабильности. Каноническая лабильность предполагает, что глагол в одном из употреблений имеет на один актанта меньше, чем в другом. При этом в первом употреблении глагол не является переходным, а во втором – является. Так устроены, к примеру, употребления болгарского глагола *започна* ‘начаться’ и ‘начать Р’ (где Р – действие субъекта или ситуация, в которой он участвует). Лабильные глаголы данного типа являются как бы центром класса лабильных глаголов, поскольку у них варьирование как семантических, так и синтаксических свойств проявляется наиболее последовательно.

При неканонической лабильности в одном из употреблений глагол также имеет на один актанта меньше, чем в другом, но различий по переходности не наблюдается. Так,

---

² Говоря об арабских фазовых глаголах, нельзя не упомянуть работ В.С. Храковского, в частности, его статью «Аспектуальные глаголы в арабском языке» (1978), где подробно анализируются семантические и синтаксические свойства арабских фазовых глаголов.

арабский глагол *intaha*: ‘закончить(ся)’ в двухвалентном употреблении, как и в одновалентном, не является переходным, управляя предлогом *min* ‘из’.

3. Фазовые глаголы и переходность

Легко видеть, что фазовые глаголы сильнее отличаются от предикатов с прототипическими агенсом и пациенсом, чем глаголы типа *играть* или *повернуть*. Объект фазовых глаголов не только не является прототипическим пациенсом, но вообще представляет собой ситуацию, тогда как объект глаголов типа *играть* – всё же предмет (хотя и не прототипический пациенс).

Соответственно, двухвалентные употребления фазовых глаголов — это часто конструкции с сентенциальными актантами (вида *начать говорить*), характерные, например, для русских глаголов *начать*, *продолжить*, *закончить* или их английских и немецких эквивалентов. Такие двухвалентные диатезы нельзя однозначно определить ни как переходные, ни как непереходные. Решение во многом зависит от свойств сентенциальных дополнений в рассматриваемом языке: например, аргументом в пользу отнесения конструкций с сентенциальными дополнениями к переходным может быть то, что такие дополнения часто появляются у глаголов, способных принимать и именные прямые дополнения. Однако полного совпадения здесь не наблюдается: ср. русский глагол *бояться*, управляющий генитивом, но способный управлять сентенциальным дополнением.

Тем не менее, рассмотрение фазовых глаголов в контексте переходности и лабильности возможно, поскольку глаголы этой группы нередко уподобляются по диатезе переходным глаголам: ср. *Учитель начал урок*. Фазовые глаголы, которые могут принимать именное прямое дополнение со значением ситуации либо выступать как одновалентные с субъектом-ситуацией, конечно, являются лабильными, несмотря на необычные семантические характеристики их объектов. В частности, именно таким является арабский глагол *bada'a* ‘начинать(ся)’: в примере (3a) он принимает именное дополнение, а в (3b) выступает как одновалентный с субъектом-ситуацией:

(3a) bada'-a   al-'umma:l-u   al-mašru:'-a
начинать.PAST-3SG.M DEF-рабочие-NOM   DEF-план-ACC
'Рабочие начали план (= выполнение плана).'

(3b) fi: as-sa:'at-i   at-ta:si'at-i   bada'a-t   al-harb-u
в   DET-час-GEN   DET-девятый-GEN   начинаться.PAST-3SG.F   DEF-война-NOM
'В девять часов началась война'.

Подобные случаи относятся к «центру» понятия лабильности, к канонической лабильности. Существование такого варьирования у фазовых глаголов позволяет рассматривать в рамках лабильности и другие типы варьирования, при которых глагол также имеет

две диатезы — с субъектом-ситуацией и с объектом-ситуацией — но ситуация выражается сентенциальным актантом.

4. Лабильность фазовых глаголов в языках мира

Прежде чем переходить к обсуждению лабильности фазовых глаголов в типологическом аспекте, необходимо сказать несколько слов о лабильности в целом. Немаловажно, что лабильные глаголы существуют в очень большом числе языков, однако объём этого класса существенно различается от языка к языку. На одном конце шкалы находится английский язык, в котором лабильность нередко является общим свойством крупных таксономических классов глаголов – таких, например, как глаголы деформации типа *break* ‘ломать(ся)’, *tear* ‘рвать(ся)’, *crash* ‘крушить; разрушать(ся)’ и т.п. На противоположном полюсе находятся языки, где лабильных глаголов нет или практически нет – к таковым можно отнести, например, тюркские и картвельские.

Посередине между этими двумя полюсами находятся романские, германские, семитские, уральские, нахско-дагестанские и многие другие языки. Эти языки «выбирают» небольшие подклассы класса переходных глаголов, делая их лабильными. В частности, в немецком языке многие глаголы с прототипическим пациенсом проявляют лабильность, как и в английском. В лезгинском языке различные исследователи насчитывают от девяти до тринадцати лабильных глаголов, в адыгейском их около восьмидесяти, в русском — порядка двадцати, и т.д. Таким образом, можно классифицировать не только лабильные глаголы, но и языки — в соответствии с тем, какие и насколько большие группы проявляют лабильность. Проблемы деления глаголов на группы в настоящей работе не затрагиваются.

Поскольку группы лабильных глаголов существенно разнятся от языка к языку, одной из первостепенных задач типологического описания является поиск семантических классов глаголов, типологически «склонных» к лабильности. Одним – пожалуй, самым заметным – из таких классов как раз и являются фазовые глаголы. Существенно, что глаголы этого класса проявляют лабильность не только в языках с большим количеством лабильных глаголов — например, в английском и в немецком — но и в системах со средним (болгарский) и даже с малым количеством лабильных глаголов.

4.1. Лабильность фазовых глаголов в языках «без лабильности»

Говоря о лабильности фазовых глаголов в языках с неразвитой лабильностью, нельзя не упомянуть тюркские языки. Для языков этой группы, имеющих продуктивные показатели каузатива и декаузатива, лабильность нехарактерна: как правило, либо переходная, либо непереходная диатеза маркируется каким-либо суффиксом актантной деривации (о

тенденциях, связанных со способами маркирования актантной деривации, см. [Недялков 1969]). Исключение составляют именно фазовые глаголы, ср. пример (4) из турецкого языка:

(4a) ders başl-ıyor
урок начинать-PRS
'Урок начинается';

(4b) öğretmen ders-e başl-ıyor
учитель урок-DAT начинать-PRS
'Учитель начинает урок'.

В целом, по данным выборки, приведённой в [Haspelmath 1993], наибольшую склонность к лабильности проявляют именно глаголы со значением 'начинать'. В частности, глаголы 'начинать' лабильны в иврите и арабском языке³, в которых другие глаголы выборки не лабильны. Во многих языках выборки (румынский, удмуртский, иврит) фазовые, чаще всего инхоативные, лексемы – не единственные лабильные глаголы, но класс других лабильных глаголов также очень узок.

Способность фазовых глаголов становиться лабильными существенна в теоретическом плане, а именно для выяснения набора свойств, которые могут облегчать лабильность того или иного класса глаголов.

С другой стороны, в языках с более развитой лабильностью фазовые лабильные глаголы могут занимать разное место в системе глаголов, отличаясь от прочих семантических групп лексем или совпадая с ними.

Предельным случаем является ситуация, когда лабильность фазовых глаголов становится своего рода грамматическим правилом. Этот вариант будет рассмотрен в следующем разделе. С другой стороны, мы покажем, что и в языках с очень большим числом лабильных глаголов фазовые глаголы могут допускать особые типы варьирования, нехарактерные для прочих групп глаголов.

4.2. Лабильность фазовых глаголов как грамматическое правило

Даже в языках, где, кроме фазовых, имеются и другие лабильные глаголы, лабильность фазовых глаголов может характеризоваться особыми свойствами. Показательным примером является болгарский язык: в нём имеется довольно большой класс лабильных глаголов, включающий глаголы восприятия (*харесвам* 'любить/нравиться'), глаголы движения (*мръдвам* 'двигать(ся)'), глаголы физического воздействия (*прилепвам* 'прилипать / приклеивать'). Однако важно, что для болгарского языка нехарактерна лабильность целых

семантических классов лексем – гораздо чаще лабильными бывают отдельные представители того или иного класса. Исключение составляет именно лабильность фазовых глаголов, которая фактически является грамматическим правилом, верным для всех глаголов этого класса, ср. (5)-(7):

(5a) *Започна да ходи напред-назад* ‘Она стала ходить туда-сюда’;

(5b) *Тази нощ кучешкият вой започна по-рано* ‘В эту ночь собачий вой начался раньше’.

(6a) *Преподавателят завърши урока и стана* ‘Учитель закончил урок и встал’;

(6b) *В 1945 г. завърши войната* ‘В 1945 г. закончилась война’.

(7a) *Делчев продължава лятното си турне* ‘Делчев продолжает своё летнее турне’;

(7b) *Войната продължава* ‘Война продолжается’.

Помимо переходной и одновалентной диатез, фазовые глаголы имеют диатезу с сентенциальным актантом — см. об этом ниже.

Тем не менее, подобная ситуация редка — помимо болгарского, других примеров на сегодняшний момент не известно. В сербском языке, также относящемся к южнославянской группе языков, тенденция фазовых глаголов к лабильности значительно слабее: лабилен только глагол *почети* ‘начинать(ся)’, тогда как лексема *завршити* ‘закончить’ употребляется только как переходная.

Нужно сказать, что одним из характерных свойств лабильности является то, что она может проявляться только у одного глагола из определённого семантического класса. Именно поэтому лабильность целого класса очень примечательна и заставляет считать, что фазовые глаголы особенно склонны к лабильности.

В английском языке большинство фазовых глаголов лабильны. Само по себе это не удивительно, но интересно поведение глагола *start* ‘начинать(ся), заставить начать’:

(8a) *The meeting started* ‘Митинг начался’;

(8b) *We started the meeting* ‘Мы начали митинг’;

(8c) *These news started me thinking* ‘Эти новости заставили меня задуматься’.

Глагол *start*, как видно из примеров (8a) – (8c), имеет как бы «тройную» лабильность – вторая диатеза семантически является каузативом от первой, а третья – от второй. При этом диатеза, представленная в (8c), отличается от прототипической каузативной – в частности, субъект-каузатор *these news* неагентивен. Кроме того, неясно, можно ли считать, отглагольное имя *thinking* синтаксическим актантом глагола *start* (поскольку отглагольные имена на *-ing* по своим свойствам отличаются от прочих существительных), хотя семантически начинающаяся ситуация, безусловно, является актантом фазового глагола. Следо-

---

³ В иврите используются глаголы *hithil* и *hehil*, а в арабском – *bada'a* и *'ibtada'a*, т.е. арабские и ив-

вательно, не вполне ясно, происходит ли в (8с) увеличение числа актантов, по сравнению с (8b).

Случай глагола *start* доказывает, что лабильность не вполне правильно рассматривать как немаркированную деривацию, производящую из одного значения другое. В этом случае мы должны были бы считать, что в примерах (8а-с) каузативизация происходит два раза. Однако это не позволило бы нам учесть тот факт, что само наличие трёх диатез является особым свойством глагола *start*, то есть все три диатезы связаны между собой и обусловлены характеристиками фазового глагола. Кроме того, существенно, что неясно, какую из трёх диатез нужно считать первичной и можно ли вообще установить в случаях типа *start* порядок дериваций.

Кроме того, как нам кажется, на примере фазовых глаголов видно, что проводить жёсткую границу между канонической лабильностью и другими видами варьирования диатез не всегда полезно. В частности, такое разграничение не вполне осмысленно, когда речь идёт о глаголах, дополнениями которых всегда являются ситуации — хотя они и могут быть выражены существительными, а не сентенциальными актантами. Если каноническая лабильность является центральным типом варьирования для глаголов с предметными дополнениями, то её центральная позиция в случае глаголов с объектами-ситуациями не очевидна.

Ещё одним случаем, когда разграничение такого рода непродуктивно, является со-
вмещение в одном фазовом глаголе более чем двух диатез. Нужно сказать, что такого рода случаи достаточно редко рассматриваются в связи с лабильностью. Как правило, при наличии у глагола нескольких диатез каждая пара моделей рассматривается отдельно. Исключением в некотором смысле является работа [Levin 1993], где глагол относится к тому или иному классу в соответствии с полным набором возможных для него типов варьирования, но варьирование предполагает наличие **пары** диатез.

В действительности оказывается, что существуют группы глаголов, часто имеющие более двух диатез. К примеру, русские глаголы *капать* и *брызгать* могут как употребляться безобъектно, так и управлять прямым или косвенным (инструментальным) дополнением.

Подобной группой являются и фазовые глаголы. К примеру, упоминавшийся выше арабский глагол *bada'a* 'начинать(ся)' в значении 'начинать' может управлять существительным в аккузативе, сентенциальным актантом или существительным с предлогом.

ритские глаголы между собой не родственны.

Вариативность управления дополнением не имеет отношения к немаркированной каузативации. Однако этот тип вариативности важен для нас потому, что он отличает фазовые глаголы от глаголов разрушения: глаголы типа ‘убить’ или ‘ранить’ скорее склонны иметь одну — переходную — модель управления. Если наличие диатезы с сентенциальным актантом можно объяснить семантикой фазовых глаголов, то диатеза с предложным дополнением не вытекает прямо из значения, а является следствием неполной переходности фазовых глаголов, ср. немецкий глагол *beginnen* ‘начать(ся)’ в (9) или болгарский *започна* ‘начать(ся)’ в (10), русские разговорные конструкции типа *Давайте с этим закончим*, а также глагол *покончить*, всегда управляющий предлогом *с* в сочетаниях типа *С этим вопросом мы покончили*:

(9) *Sie begannen die Arbeit / mit der Arbeit* ‘Они начали работу’.

(10) *Те започнаха обсъждането / със обсъждането* ‘Они начали обсуждение’.

Вероятно, между конструкциями с прямым и с предложным дополнением есть семантические различия, но они ещё недостаточно ясны.

В любом случае, ясно, что лабильность и вариативность управления фазовых глаголов обусловлены одними и теми же их свойствами: во-первых, с семантическими особенностями и во-вторых, с отклонением фазовых глаголов от прототипа переходности (второе, конечно, связано с первым).

4.3. Фазовые глаголы и диатетические типы лабильности

Как уже говорилось выше, лабильность той или иной группы глаголов требует объяснения, позволяющего связать лабильность с другими свойствами группы. Глаголы, допускающие варьирование диатезы, необходимо классифицировать по семантическим или синтаксическим основаниям. Одной из возможностей является классификация по типу диатетического преобразования.

Такая классификация сложилась ещё несколько десятилетий назад на материале языков с развитым маркированием актантных дериваций (типа тюркских) и была обобщена, в частности, в работах [Мельчук 1998: 163-178] и [Плунгян 2000: 209-220]; ср. также [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2000]. Однако построение классификации лабильных глаголов затруднено. Во-первых, в данном случае не всегда можно говорить об исходной и производной диатезах, а во-вторых, отсутствуют показатели деривации. Таким образом, невозможно проверить, какие значения могут совмещаться в одном показателе — в отличие от тех случаев, когда деривация маркируется морфологически.

Тем не менее попытки предложить классификацию предпринимаются. В частности, в работе [Levin 1993] на примере английского языка выделяется большое количество ви-

дов немаркированных диатетических преобразований: в частности, немаркированные каузатив, рефлексив, реципрок, медиальная конструкция и другие. Аналогичные типы выделила Е.А. Лютикова (см. [Лютикова 2002])⁴. Нетрудно заметить, что выделены эти типы в соответствии с соотношением диатез глагола⁵. Как правило, соотношение между глаголами со значением 'начинать' и 'начинаться' в языках мира считают аналогичным соотношению между глаголами 'разбить' и 'разбиться', то есть второй глагол представляет собой декаузатив от первого.

Английский язык представляет собой исключение в том плане, что разрешает большое количество немаркированных преобразований, многие из которых допускаются большими классами глаголов. В других языках, во-первых, значительно меньшее число глаголов имеют по несколько диатез, во-вторых, нередко можно выделить доминирующий тип вариативности.

В частности, в немецком языке распространена именно декаузативная лабильность (одно из употреблений является декаузативом от другого): ср. такие лексемы, как *brechen* 'ломать(ся)', *brennen* 'гореть/жечь' и др. В этот же ряд вписывается лабильность фазовых глаголов. С другой стороны, для болгарского мы не можем сделать аналогичного утверждения. Глаголы с прототипическим пациенсом, как правило, не проявляют лабильности. С другой стороны, в болгарском имеются случаи, находящиеся между декаузативной и рефлексивной лабильностью (одно из употреблений представляет собой автокаузатив от другого, по классификации Э. Генюшене): *зadълбава* 'углублять; углубляться (в проблему)', *зabърза* 'убыстрить; заторопить, заторопиться', *мръдва* 'двинуть; двинуться' и др.⁶

В языках типа болгарского и арабского, где общее число лабильных глаголов невелико, особенно интересно выглядит лабильность фазовых глаголов – в болгарском она фактически является не тенденцией, а грамматическим правилом. Лабильность данной группы глаголов явно должна объясняться их особыми свойствами.

Ещё более яркий контраст между лабильностью фазовых глаголов и остальными лабильными глаголами демонстрирует алюторский язык [Кибрик и др. 2000: 267], где, вообще говоря, распространена рефлексивная лабильность типа 'обувать(ся)', а не декаузативная типа 'ломать(ся)', однако некоторые фазовые глаголы лабильны. В эргативных

---

⁴ Впрочем, как следует из сказанного выше, большинство из этих типов Е.А. Лютикова относит к синтаксической, но не к семантической лабильности.

⁵ Работа [Levin 1993] не посвящена специально лабильным глаголам, но в действительности оказывается, что почти все преобразования диатезы в английском языке осуществляются без специальных показателей, хотя и не всегда представляют собой прототипическую лабильность.

⁶ Общим свойством стандартных рефлексивов типа 'бриться' и автокаузативов типа 'углубиться (в проблему)', 'заторопиться' является обязательная одушевлённость субъекта. Это противопоставляет их декаузативам типа 'испортиться', 'разбиться', как правило, имеющим неодушевлённый субъект (подробнее см. [Genişliyené 1987]).

(14a) *istamarḡ-at*   *al-mufa:waDa:t-u*   *at-tuna:’iyy-at-u*   *fi: mu:sku:*
 продолжаться.PAST-3SG.F   DEF-переговоры-NOM   DEF-двусторонний-F-NOM   в   Москва
 ‘Продолжились двусторонние переговоры в Москве’;

(14b) *istamarḡ-a*   *fi: siya:sat-i-hi*   *al-’udwa:niyy-at-i*
 продолжаться.PAST-3SG.M   в   политика-GEN-3SG.M   DEF-враждебный-F-GEN
 ‘Он продолжил проводить свою агрессивную политику’.

С другой стороны, глагол *istamarra* нередко управляет сентенциальным актантом без союза, а *intaha:* не может образовывать такую конструкцию:

(15) *istamarḡ-at*   *t-a’mal-u*   *bi haḏa:*   *al-’ism-i*
 продолжаться.PAST-3SG.F   3F-работать.PRS-IND.SG с   этот:М   DEF-имя-GEN
 ‘Она продолжала работать под этим именем (букв.: ‘она-продолжила она-работает’)’.

Интересно, что типы варьирования, отличные от канонической лабильности, допускают глаголы, образованные по рефлексивному или медиальному типу (или, в арабской грамматической терминологии, по восьмой или десятой породе). С другой стороны, переходную диатезу со значением ‘заканчивать’ имеет однокоренной с *intaha:* глагол каузативной четвёртой породе *’anha:* ‘заканчивать’.

Таким образом, несколько арабских фазовых глаголов могут без изменения формы иметь как значение ‘начинаться’, так и ‘начинать’. В финском языке аналогичным образом ведёт себя глагол *alkaa* ‘начинать(ся)’: в каузативном значении он управляет одной из инфинитивных форм:

(16)   *hän*   *alk-oi*   *työskennellä*
          он   начинать-3SG.PRS   работать.INF
          ‘Он начинает работать’.

Каузативный глагол *aloittaa* ‘начинать’, напротив, управляет прямым объектом (ср. *aloittaa homman* ‘начать работу (прямой объект)’) и не имеет безобъектного употребления, то есть во многом близок к арабскому каузативу *’anha:*.

Хотя наличие безобъектной диатезы и диатезы с сентенциальным объектом ещё не является лабильностью в традиционном понимании, игнорировать её нельзя: в частности, существуют языки (например, русский), где совмещение значений ‘начинаться’ и ‘начинать’ невозможно ни при одном из фазовых глаголов, вне зависимости от модели управления: невозможно ни *Он начался есть, ни *Он начался еду (в значении ‘он начал есть’), ни *Собрание кончило, ни **Собрание покончило* (в значении ‘собрание закончилось’).

Кроме того, важно, что семантически пара значений ‘начинаться’ – ‘начинать’ очень близка к паре «каузатив — декаузатив»: в частности, во многих языках глагол ‘начинаться’ является декаузативом от ‘начинать’.

Тем не менее можно упорядочить типы варьирования диатезы в своеобразной иерархии в соответствии с тем, насколько две диатезы (и два значения) противопоставлены друг другу и насколько их совмещение нетипично для глагольной системы языка в целом. В

этом случае каноническая лабильность, проявляющаяся у *bada'a*, займёт в иерархии место выше, чем лабильность, проявляющаяся у *intaha*. В большинстве случаев не только отдельные переходные и непереходные глаголы, но и классы переходных и непереходных и непереходных глаголов в целом противопоставлены друг другу даже в аккумулятивных языках (хотя это противопоставление проявляется не так ярко, как в эргативных).

С другой стороны, варьирование «безобъектная диатеза — диатеза с сентенциальным актантом», существующее у *istamarra*, нельзя располагать в иерархии ниже канонической лабильности: глагол *ibtada'a* канонически лабилен, но не может управлять сентенциальным актантом.

6. Лабильные фазовые глаголы и показатели пассива и декаузатива

Как мы видели, фазовые глаголы очень часто имеют более одной диатезы, в частности, одна из диатез фазового глагола может означать 'начинаться', а другая — 'начинать', хотя их синтаксическое соотношение может быть различным. В связи с этим встаёт ещё одна существенная проблема: как соотносятся диатезы фазовых глаголов с показателями декаузатива, которые имеются в том или ином языке.

Прежде всего, нужно заметить, что лабильность глагола вовсе не всегда исключает образование от него каузативных и декаузативных коррелятов со значением, тождественным или близким к одному из значений немаркированной формы. Ср. хотя бы русские пары типа *Из трубы лилась вода — Из трубы лила вода*: ситуация, выраженная немаркированной формой, возможно, отличается от ситуации, обозначенной декаузативом, большей интенсивностью, но не переходностью и не составом участников. Во многих случаях, как показано в работах [Cornips, Hulk 1996] и [Schdfer 2000], маркированная и немаркированная форма различаются аспектуальными свойствами: например, во французском языке маркированные формы проявляют большую тенденцию к предельности. С другой стороны, в работах [Даниэль и др. 2004] и [Летучий 2004] на материале агульского и адыгейского языков показано, что маркированный каузатив и переходное употребление лабильного глагола, а также декаузатив и непереходное употребление могут различаться по значению (в частности, по степени самопроизвольности ситуации).

Лабильные фазовые глаголы также, как правило, хорошо сочетаются с показателями декаузатива. Практически во всех языках с продуктивным декаузативом он может присоединяться к данной группе глаголов.

Так, в болгарском языке все глаголы сочетаются с показателями декаузатива:

- (17) Това се започна още при Георги Тодоров, който ни забрани 'Это (преследования) началось ещё при Георгии Тодорове, который нас запретил'.

(18) Свв. Кирил и Методий митрополията беше заобиколена от джандари, които на сутринта не ме пуснаха да отида да служа в църквата „Св. Атанас“. Това се продължава и сега. ‘Вокруг митрополии святых Кирилла и Мефодия было полно полицейских, которые не пустили меня утром на службу в церковь св. Афанасия. Это продолжается и сейчас’.

(19) Достатъчно няма сега, достатъчно ще има, когато войната се свърши
‘Сейчас недостаточно, достаточно будет, когда война кончится’

Судя по всему, выбор маркированного или немаркированного варианта зависит, прежде всего, от того, можно ли представить себе, что ситуация, являющаяся субъектом фазового глагола, перешла в некоторую фазу сама по себе, без участия агенса. В частности, вариант с показателем возвратности часто выбирается, когда субъектом является вид человеческой деятельности. Впрочем, нужно заметить, что те же ситуации (в частности, ‘война’) сочетаются с немаркированными вариантами глаголов.

В арабском языке канонически лабильные глаголы *bada'a* и *ibtada'a* ‘начинать(ся)’ сочетаются с показателем пассива:

(20) al-мальгу: ‘-u allaqi budi’a al-‘amal-u bi tanfi:d-i-hi
проект-NOM который начинать.PAST.PASS-3SG.M DEF-работа-NOM с выполнение-GEN-3SG.M
‘Проект <детского городка>, работа над воплощением которого началась (= была начата)’.

Вполне естественно, что глаголы *istamarra* ‘продолжать(ся)’ и тем более *intaha*: ‘закончить(ся)’ не сочетаются с показателем пассива: они не имеют переходных употреблений, а пассив в современном арабском языке чаще всего образуется именно от переходных глаголов⁷.

При этом важно заметить, что соотношение маркированного и немаркированного варианта не тождественно соотношению пассива и декаузатива. Ясно, что, поскольку ситуация имеет некоторое количество участников, перейти в ту или иную фазу она может только при их участии.

В целом проблема соотношения немаркированного и маркированного вариантов лабильного глагола ещё исследована недостаточно подробно. Важно, что для фазовых глаголов описать их различие ещё сложнее, чем для прототипически переходных, так как фазовые глаголы не обязательно имеют агентивный субъект. Фактически сближение переходного и непереходного употреблений связано со сближением маркированной (декаузативной, пассивной) и немаркированной форм. Сближаются между собой не только переходное (каузативное) и непереходное (декаузативное) употребления, но и декаузатив и пассив.

Помимо этого, способность лабильных фазовых глаголов сочетаться с показателями декаузатива и пассива существенна ещё в одном теоретическом аспекте. Поскольку даже

глаголы данного класса, для которых лабильность очень характерна, сочетаются с показателями актантной деривации, следует предположить, что лабильность и маркированная актантная деривация – это в каком-то смысле вообще явления разной природы. Если выраженная морфологически декаузативизация – это механизм **изменения** диатезы глагола и его значения, то лабильность, напротив, возникает как **соединение** двух семантически и синтаксически сходных ситуаций в одной лексеме. Аффиксы служат для того, чтобы построить глагол с новым значением и новой диатезой – это и маркируется специальными средствами. Напротив, в случае лабильности язык как бы считает возможным не различать два очень близких значения (и, соответственно, очень близких диатезы). Такое предположение подтверждается лабильностью фазовых глаголов, у которых два употребления – ‘начаться’ и ‘начать’, как было сказано выше, различаются по семантике не так существенно, как, например, у глаголов разрушения.

7. Различия между инхоативными и терминативными⁸ глаголами

До сих пор о фазовых глаголах говорилось, как о едином классе лексем, проявляющих схожие свойства. Между тем можно заметить, что во многих языках их характеристики существенно различаются. В этом разделе не будут рассматриваться глаголы средней фазы действия – их свойства требуют отдельного и более подробного анализа.

В рассмотренных аккумулятивных языках лабильность более свойственна именно инхоативным глаголам. Проявляться это может по-разному.

В частности, в финском языке вариативность проявляется только у инхоативного глагола *alkaa* ‘начинать(ся)’ (хотя эта лексема и не является канонически лабильной, так как не может управлять прямым дополнением), а глаголы со значением ‘заканчивать’ и ‘продолжать’ не лабильны. Аналогичным образом две группы фазовых глаголов противопоставлены в сербском языке: глагол *почети* ‘начать(ся)’ лабилен, а остальные глаголы (в том числе все терминативные) в исходной форме являются переходными, а непереходное употребление возникает только в контексте возвратной частицы *се*.

В арабском языке вариативность проявляется у глаголов, обозначающих все фазы действия, но только инхоативные глаголы могут быть канонически лабильны. Выше уже говорилось, что полезно бывает упорядочить типы варьирования в некоторую иерархию, где наивысшее положение будет занимать каноническая лабильность – именно при ней

---

⁷ В кораническом арабском засвидетельствованы отдельные употребления пассива с неопределенно-личным значением от непереходных глаголов: ср., например, *nufiha*, букв. ‘было вострублено (в трубу)’ от *nafaha* ‘трубить, дуть’.

⁸ Обозначение *терминатив* в современной типологической литературе является наиболее распространенным для класса глаголов конца ситуации (см. подробнее, в частности, [Плунгян 2000: 303]).

две диатезы в наибольшей мере различаются синтаксически. В арабском языке этот канонический тип варьирования присущ только инхоативным глаголам.

В немецком языке лабильными могут быть как инхоативные (*beginnen, anfangen* ‘начинать(ся)’), так и терминативные глаголы (*aufhören* ‘прекращать’, *abschliessen* ‘заканчивать(ся)’). Тем не менее оказывается, что только среди терминативных глаголов есть пара лексем, различающихся на префикс-транзитиватор *be-*: *enden* ‘закончиться’ — *beenden* ‘закончить’. Таким образом, и в немецком непереходный и переходный варианты терминативных глаголов различаются в большей степени, чем варианты инхоативных глаголов.

Судя по данным случаям, инхоативные глаголы в аккумулятивных языках проявляют большую склонность к лабильности, чем терминативные. Исключениями являются тюркские языки: в одних из них (турецкий) лабильны только инхоативные глаголы, в других (киргизский, кумыкский) — только терминативные⁹.

В эргативных языках подобных закономерностей не обнаруживается. Как инхоативные, так и терминативные глаголы нередко проявляют лабильность. Впрочем, нужно заметить, что, в отличие от аккумулятивных, в эргативных языках тенденция фазовых глаголов к лабильности вообще не так сильна.

8. Объяснение лабильности фазовых глаголов

Очевидно, что лабильность фазовых глаголов выбивается из ряда остальных явлений, связанных с вариативностью диатезы, поскольку фазовые глаголы часто бывают лабильны даже в тех языках, для которых свойство лабильности в целом маргинально. Это требует объяснения.

Как мне кажется, наиболее важным свойством фазовых глаголов, существенным для данного исследования, является соотношение ролей участников ситуации (как уже было сказано выше, оно отлично от прототипического соотношения «агенса – пациенс»), а также тип каузации, возникающий при каузативных употреблениях фазовых глаголов.

Легко заметить, что чаще всего субъект переходного фазового глагола непосредственно участвует в ситуации, выражаемой вторым актантом: ср. *Я начал петь, Ребята начали игру / начали играть* и др. Как известно, прототипически при каузативных глаголах каузатор не участвует в каузируемой ситуации непосредственно: ср. французский пример (21):

(21) *Cela le fera penser a moi* ‘Это заставит его вспомнить обо мне’.

---

⁹ Необходимо сделать одно уточнение: класс терминативных глаголов, вообще говоря, распадается на два подкласса – глаголы «достижения предела действия» («закончить») и глаголы «прерывания действия» («прекратить»). Возможно, они проявляют различные свойства.

Напротив, тип каузации, с которым мы имеем дело при фазовых глаголах, скорее напоминает выделенный в работе [Недялков, Сильницкий 1969: 36] и подробно рассмотренный в работе [Shibatani, Pardeshi 2002] на примере языка маратхи комитативный (в терминологии работы М. Сибатани и П. Пардеши – ассоциативный) тип каузации: каузатор заставляет каузируемого совершить действие, сам совершая это действие. Данный тип каузации менее частотен, чем фактитивный.

Нужно сказать, что в некоторых языках (в том числе и в русском), существуют примеры, когда субъект фазового глагола непосредственно не участвует в каузируемой ситуации:

(22) *На поле стало темно, и судья прекратил игру.*

Тем не менее, такие примеры встречаются значительно реже.

Ассоциативная каузация влияет и на соотношение свойств участников ситуации: если фактитивная каузация предполагает, что агенс является внешним по отношению к каузируемой ситуации, отличаясь по свойствам от его участников и влияя на них извне, то при ассоциативной каузации каузатор и каузируемый сближаются, поскольку оба принимают участие в каулируемой ситуации в качестве субъектов.

При фазовых глаголах полного уравнивания участников не происходит: как правило, субъект фазового глагола является более активным, чем остальные участники рассматриваемой ситуации. Тем не менее, нельзя отрицать, что он не обязательно является прототипическим агенсом. Особенно это заметно в конструкциях с сентенциальными актантами: ср. такие предложения, как *Краска начала облезать* или *Хлеб начал крошиться*. Очевидно, что субъект в таких ситуациях может быть как агентивным, так и пациентным.

Как кажется, свойства субъекта в конструкциях с именными прямыми объектами несколько ближе к агентивным. Типичными являются примеры, в которых субъект фазового глагола является агенсом вложенной ситуации, ср. болгарский:

(23) *Преподавателката започна лекцията* ‘Преподавательница начала лекцию’.

Можно сказать, что в данном случае ассоциативная каузация оформляется практически так же, как фактитивная. Тем не менее и такая конструкция допускает неагентивный субъект, ср. *Поезд начал движение*.

То, что каузативные и декаузативные употребления фазовых глаголов не слишком резко противопоставлены друг другу, подтверждается наличием пар типа *Дождь начался* — *Дождь пошёл*: в первом случае глагол выступает в декаузативной форме, но во втором предложении мы видим форму *пошёл*, означающую фактически ‘начал идти’.

Сходство актантов фазовых глаголов (или, по крайней мере, отсутствие чёткого ролевого противопоставления) является первой причиной их частой лабильности. Заметим,

что в аккумулятивных языках (в отличие от эргативных) лабильность часто проявляют глаголы, актанты которых не противопоставлены друг другу, а достаточно близки по свойствам, в частности, ни один из них не пациентен. Так, нередко лабильность проявляют глаголы движения, не имеющие прототипического пациенса, ср. русские *мчатъ, гнать / гонять, кружить, катить* и др.

Другой характерной чертой фазовых глаголов, связанной с первой, является то, что их субъект — и при переходном, и при непереходном употреблении — меняет своё состояние: так, в ситуации ‘лекция закончилась’ своё состояние меняет лекция, а в ситуации ‘преподаватель закончил лекцию’ — не только лекция, но и преподаватель, который перестаёт быть участником ситуации ‘лекция’.

Наконец, возможно, что в некоторых случаях лабильность фазовых глаголов напрямую связана с наличием у них сентенциального актанта. Понятно, что именно конструкция с сентенциальным актантом семантически наиболее прозрачна, то есть явно показывает, что речь идёт о фазе определённой ситуации. Как уже говорилось, в болгарском языке лабильны не только фазовые глаголы, но и некоторые другие лексемы с сентенциальными актантами.

Особые свойства фазовых глаголов, в частности, их валентной структуры, рассматриваются в работе [Храковский 1987: 163]: автор считает, что, что в действительности семантическим актантом фазового глагола является только ситуация, а субъект, который вступает в новую фазу ситуации, наследуется от вложенного предиката. На мой взгляд, признание фазовых глаголов одновалентными не слишком хорошо объясняет их лабильность, поскольку игнорирует то, что конструкция *мы начали выполнение плана* или *мы начали работать* речь идёт не только о вступлении ситуации в новую фазу, но и о вступлении субъекта в новую фазу ситуации (хотя мы не отрицаем, что исходно субъект переходного фазового глагола не является его семантическим актантом). В работе [Падучева 2001б: 33] отмечается тот факт, что глагол *начаться* имеет, вообще говоря, две диатезы: наряду с одновалентной -- *Началась игра* – диатезу с участником *Начало* -- *День начался мелким дождём* (Платонов).

Обобщая, можно сказать, что лабильность фазовых глаголов связана именно с их отличием от прототипического переходного глагола. Это расходится с эталоном лабильности: в качестве примеров лабильных глаголов приводятся именно глаголы, обозначающие прямое воздействие агенса на пациенс, в результате чего последний сильно изменяется, типа ‘ломать(ся)’. Не в последнюю очередь это связано с тем, что два употребления таких глаголов резко контрастируют друг с другом, и это выделяет лабильные глаголы данного типа из основного класса глагольных лексем. Однако, проанализировав, к примеру, рус-

ские лабильные глаголы — более двадцати лексем — мы не найдём среди них ни одного «классического» лабильного глагола: ср. уже упоминавшиеся глаголы движения, а также *лить* и *сыпать*, *повернуть*, *играть*, *учить* и др. Таким образом, если на фоне остальных переходных глаголов фазовые глаголы выглядят маргинальными, то с остальными классами лабильных глаголов в аккумулятивных языках они, в общем, не контрастируют.

В свете особенностей фазовых глаголов, позволяющих им быть лабильными, становится понятно, почему в аккумулятивных языках к варьированию диатезы склонны, прежде всего, инхоативные глаголы. Как кажется, дополнения инхоативных и терминативных глаголов имеют несколько разные семантические свойства.

Объекты инхоативных глаголов по своим свойствам близки к дополнениям с семантической ролью креатива (объекта, создающегося в ходе действия). Объекты этого типа имеют такие глаголы, как ‘строить’, ‘шить’, ‘покупать’ и многие другие. При этих глаголах объект не подвергается существенному воздействию, поскольку до начала ситуации объекта вообще не существовало.

Напротив, объекты терминативных глаголов ближе к прототипическим пациенсам, подвергающимся в ходе ситуации существенному воздействию. Ситуация, имевшая место, заканчивается, то есть прекращает своё существование, аналогично тому, как это происходит с прямым дополнением при глаголах типа ‘разрушать’, ‘разбивать’ или ‘ломать’.

Различие в семантических ролях объектов терминативных и инхоативных глаголов проявляется в метафорических употреблениях этих глаголов. Терминативные глаголы в переносных употреблениях часто означают ‘убивать’, то есть переходят в глаголы с объектом, прекращающим своё существование: ср. русск. *кончить*, *прикончить*, франц. *achever*, англ. *finish off* и др.

Инхоативные глаголы чаще всего имеют, кроме фазового, значение ‘начать движение’, ‘пойти’ и др. Хотя и глаголы этого класса могут также обозначать прямое воздействие субъекта на объект (ср. франц. *entamer* ‘начать; начать есть, надрезать’), это значение распространено у них в меньшей мере, чем у терминативных глаголов. Из этой асимметрии можно сделать вывод, что терминативные глаголы находятся ближе к прототипическим переходным, чем инхоативные, а их объект — ближе к прототипическому пациенту.

Помимо большей пациентности объекта терминативных глаголов, может иметь значение также большая, по сравнению с инхоативными, агентивность их субъекта. Действительно, эти глаголы предполагают, что действие полностью исчерпано, часто подразумевается, что оно доведено до логического предела. Достижение предела часто предполагает не просто приближение ситуации к конечной фазе, но также некую целенаправленность

действий субъекта, который видит ситуацию как целое и осознаёт некоторый момент как её предел. Напротив, инхоативные глаголы предполагают только вступление субъекта в некоторую ситуацию, но вполне возможно, что об остальных фазах ситуации субъекту ничего не известно.

Семантическая асимметрия двух видов фазовых глаголов может быть заметна даже в тех языках, где ни один из них не проявляет лабильности. Ср. русский, где возможно (24a) с инхоативным глаголом, но невозможно (24b) с терминативным:

(24a) *В нашем районе начал строиться новый дом.*

(24b) **В нашем районе закончил/кончил строиться новый дом.*

Если инхоативные глаголы сочетаются с любыми субъектами, то терминативные требуют агентивных (или, по меньшей мере, обладающих большей степенью агентивности). Мы видели, что в немецком языке переходный терминативный глагол может образовываться с помощью транзитиватора *be-*. Такие, казалось бы, разные свойства, как наличие приставки-транзитиватора и обязательная агентивность субъекта объединяются тем, что терминативные глаголы находятся ближе к прототипически переходным, чем инхоативные.

Аспектуальная асимметрия инхоативных и терминативных глаголов также проявляется в языках, где ни одна из данных групп глаголов не проявляет лабильности, ср. грамматичное (25a) и неграмматичное (25b)¹⁰:

(25a) *Мы закончили всю работу за десять минут.*

(25b) **Мы начали работу за десять минут*¹¹.

При этом глаголы прерывания действия без достижения предела типа *прекратить* или *перестать* (см. о них выше) по своим аспектуальным свойствам оказываются ближе к *начать*:

(25c) **Мы прекратили работу/перестали работать за десять минут.*

---

¹⁰ Существенность аспектуальных свойств исходного глагола для свойств фазовой конструкции подробно отмечена в работе [Недялков 1987: 189-195], где, однако, рассматриваются, в основном, противопоставления внутри класса инхоативных глаголов – различаются фазовые конструкции, образованные от стативных глаголов – **инхоативы** (ср. *заснуть*), образованные от агентивов – **непредельных глаголов действия** – **ингрессивы** (ср. *запеть*) и образованные от терминативов, предельных глаголов действия – **инцептивы** (ср. *начинать засыпать*). Также релевантность аспектуальных свойств предиката, присоединяющего фазовый глагол, отмечена в работах [Падучева 2001a], [Падучева 2001b], [Кустова 2002] и [Недялков 1987]. См., в частности, в [Кустова 2002] о способности фазовых глаголов обозначать и начальную точку, и начальный отрезок ситуации.

¹¹ За указание на эти примеры я благодарен Н.Р. Сумбатовой.

9. Выводы

В данной статье удалось, как я надеюсь, показать, что класс глаголов, не относящихся к прототипически переходным – фазовые глаголы – во многих отношениях интересен для понимания явления лабильности и для теории диатезы в целом. Прежде всего, важно, что в аккумулятивных языках фазовые глаголы проявляют большую склонность к лабильности по сравнению со многими другими — возможно даже, со всеми другими группами глаголов. Данная группа глаголов лабильна даже в языках, где других лабильных глаголов нет (тюркские) или почти нет (румынский, сербский). Кроме того, в некоторых языках, для которых лабильность в целом нехарактерна, лабильность фазовых глаголов оказывается грамматическим правилом (болгарский).

Поскольку фазовые глаголы лабильны в самых разных языках, было бы необоснованным считать, что варьирование их диатез — частный случай декаузативной лабильности типа ‘ломать ~ ломаться’ — мы имеем дело именно с особенностью узкого класса глаголов.

При этом объяснить, какое именно свойство класса фазовых глаголов обуславливает их частую лабильность, довольно сложно, поскольку эти лексемы отличаются от прототипических переходных глаголов по целому ряду параметров. В частности, одним из их актанта является ситуация, а не объект, они не имеют прототипического пациенса, меняющегося в ходе действия, и прототипического агенса, воздействующего на пациенс. При этом актанта-ситуации отличаются от актанта-объектов и по семантическим свойствам, и по оформлению.

По всей вероятности, на лабильность влияют сразу два свойства фазовых глаголов: неполная синтаксическая переходность и отличие от семантического прототипа переходного глагола. Семантически два употребления фазового глагола можно трактовать как описывающие вхождение субъекта в определённое состояние — для ситуации это означает переход в новую фазу, для участника ситуации — смену ситуации, в которой он участвует. По сути, различие минимально — переход ситуации в новую фазу и означает, что все её участники меняют состояние. Синтаксически лабильность облегчается наличием у фазовых глаголов употреблений, промежуточных между одновалентными и переходными.

Эти же черты обуславливают то, что инхоативные глаголы лабильны чаще, чем терминативные: они находятся ещё дальше от прототипа переходных глаголов – например, не требуют агентивного субъекта и имеют менее пациентный объект, чем терминативные глаголы.

Лабильность фазовых глаголов важна для понимания лабильности в целом. Прежде всего, она показывает, что невозможно рассматривать в свете лабильности только прототипически переходные глаголы, пренебрегая периферией. Для аккумулятивных языков центром класса лабильных глаголов можно считать именно глаголы, периферийные по отношению к прототипу переходного глагола.

Кроме того, на примере фазовых глаголов видно одно характерное свойство лабильности: как правило, в аккумулятивных языках лабильны бывают небольшие группы глаголов. Английский на этом фоне является скорее исключением. В немецком языке, где рассматриваемое явление также широко распространено, лабильны глаголы *brechen* ‘ломать(ся)’ и *trocknen* ‘сушить(ся)’, но не лабилен, казалось бы, также относящийся к глаголам воздействия на пациенс *schütten* ‘сыпать’. Лабильные фазовые глаголы — особенно узкая группа, часто состоящая из трёх, а иногда и из одного (инхоативного) глагола. Таким образом, выяснить закономерности, управляющие их лабильностью, в пределах одного языка, часто невозможно. Именно поэтому важно рассмотреть данные глаголы в типологической перспективе, соотнося варьирование их диатез с лабильностью/стабильностью остальных классов глаголов.

Узость классов лабильных глаголов объясняется тем, что лабильность тесно связана с семантическими свойствами глагола, причём не только с ролями участников (например, ‘пациенс’), но и со степенью соответствия прототипу данной роли. Так, в эргативном лезгинском языке (и во многих других кавказских эргативных языках) к лабильности наиболее склонны глаголы с прототипическим пациенсом, подвергающимся в ходе ситуации сильному воздействию со стороны агенса. Однако глаголы с пациенсом, в меньшей мере соответствующим прототипу, лабильности не проявляют. На фоне этих фактов отличия фазовых глаголов от прочих ещё более значительны: данная группа глаголов имеет вообще другой набор ролей и обозначает ситуацию с другой структурой.

Рассмотренные явления заставляют поставить более общие вопросы: например, можно ли, несмотря на узость классов лабильных глаголов, говорить о распространённости в языке, к примеру, декаузативной лабильности? Как кажется, это может быть полезным для языков с развитой лабильностью. В остальных случаях декаузативный тип распадается на более мелкие подтипы. Соотношение диатез и моделей управления в них формально одно и то же. Однако важно, что случаи типа ‘сломаться’, ‘начаться’ и ‘сохнуть’ различаются степенью самопроизвольности возникающей ситуации, независимости её от внешнего каузатора (таким образом, одни глаголы стоят ближе к чистым декаузативам, а другие — к пассивам).

Можно сказать, что системы первого типа являются «деривационно-обусловленными» (важно, как соотносятся две диатезы глагола), а вторые — «семантически-обусловленными» (существенны семантические свойства актантов каждой из диатез). В действительности данные типы крайне редко встречаются в чистом виде. Лабильность фазовых глаголов показывает, что практически во всех системах для некоторых глаголов можно говорить о семантической обусловленности лабильности. Более подробная классификация систем лабильных глаголов в языках мира будет полезна не только для синтаксиса, но и для семантики: она позволит показать, какими – синтаксическими и семантическими – свойствами должны обладать две диатезы, чтобы сочетаться в одной и той же форме глагола и как это связано с грамматическими особенностями того или иного языка в целом.

В приложении для нескольких языков приведены данные о варьировании диатезы у фазовых глаголов. В таблице приводятся данные о наличии/отсутствии канонической лабильности у глаголов, обозначающих разные фазы действия, а также (для глаголов, о которых имеются точные данные) данные о диатезах с предложным и с сентенциальным объектом.

Я благодарен за помощь в подготовке этой статьи Н.Р. Сумбатовой и В.А. Плунгяну. Эта работа была бы также невозможна без помощи консультантов, предоставивших сведения о болгарском (М.Е. Носова), арабском (А. Ханнан, М. Аль-Матни) и немецком (Я. Вольгемут) языках.

10. Приложение. Лабильные глаголы в аккузативных языках

Глагол	Фаза	Каноническая лабильность	Двухвалентные непереходные диатезы
Болгарский			
започна	н	+	СА, <i>c</i>
завърша	к	+	СА, <i>c</i>
продължава	п	+	СА, <i>c</i>
Арабский			
bada'a	н	+	СА, предлоги
ibtada'a	н	+	предлоги
istamarra	п	-	СА, предлоги
intaha:	к	-	предлоги
mada:	п	-	СА
Сербский			
почети	н	+	
отпочети	н	-	
завршити	к	-	
Финский			
alkaa	н	–	СА
aloittaa	н	–	– (только DO)
jatkaa	п	–	–
Немецкий			
beginnen	н	+	СА, <i>mit</i>
anfangen	н	+	СА
beenden	к	–	–
enden	к	–	–

н – начальная фаза действия ('начинать');

к – конечная фаза действия ('заканчивать');

п – срединная фаза действия ('продолжать').

СА — конструкция с сентенциальным актантом.

11. Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М: Наука, 1974.

Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточная литература, 1998.

Даниэль М., Майсак Т., Мерданова С. Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке.//Второй международный симпозиум по языкам Европы, Северной и Центральной Азии. Тезисы докладов. Казань: КГУ, 2004. 153-156.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьёва И.А. Язык и фольклор алыторцев. М.: МГУ, 2000.

Кустова Г.А. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением 'начаться'/'кончиться')// Арутюнова Н.Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002.

Летучий А.Б. Лабильные глаголы в аккумулятивных языках: семантика и актантная структура. Дипломная работа. Рукопись.

Лютикова Е.А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002.

Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл «Текст». М.: Наука, 1974.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2. М., «Языки русской культуры» – Вена, Wiener Slawistischer Almanach, 1998.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов.//Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. 20-60.

Недялков В.П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании.//Вардуль И.Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. 106-114.

Недялков, В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 180-195.

Падучева Е.В. Аспектуальная специфика глаголов с актантом Результат: парадокс имперфектива.//Glossos, 2001, Issue 1 (Падучева 2001a).

Падучева, Е.В. Фазовые глаголы и семантика начинательности // Изв. РАН, СЛЯ, 60.4, 29-39, 2001 (Падучева 2001б)

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.

Полинская М.С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М., 1986.

Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар – Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.

Храковский В.С. Аспектуальные глаголы в арабском языке.//Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.: Наука, 1978.

Храковский, В.С. 1987. Семантика фазовости и средства ее выражения // Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 153-180.

Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции.//Известия ИЯИМК, XII. Тбилиси, 1942 (на грузинском языке).

Cornips L., Hulk A. Ergative reflexives in Heerlen Dutch and French.//Studia Linguistica 50, 1-21. 1996.

Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. (eds.). Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge: Cambridge U. Press, 2000.

Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection.// Language, v. 67, '3. 1991. 547-619.

Geniušienė E. The Typology of Reflexives. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations.//Comrie B. and M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993.

Levin B. English verb classes and alternations. Chicago & London, 1993.

Schäfer F. The morphological patterns of anticausatives and their interpretations. 2003.//The 6th workshop meeting of the graduate program of the University of Stuttgart. Kleinwalsertal (Austria), June 2003. Электронная публикация: http://www.ims.uni-stuttgart.de/Graduiertenkolleg/Dokumente/Klausurtagung_2003/schaefer.pdf.

Используемые сокращения:

NOM – именительный падеж

ACC – винительный падеж

GEN – родительный падеж

PL – множественное число

PASS – пассивный залог

IND – изъявительное наклонение

1, 2, 3 – первое, второе, третье лица

SG – единственное число

PL – множественное число

M – мужской род

F – женский род

DEF – определённый артикль

PRS – настоящее время

PAST – прошедшее время

Летучий Александр Борисович,

Российский государственный гуманитарный университет, Институт Лингвистики

Москва, 115580, д. 23/56, кв. 311.

Телефон: 396-7449.

Электронная почта: alexander_letuchiy@hotmail.com.